

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Екатерины ЛЕСИНОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Маска короля
Рубиновое сердце богини
Кольцо князя-оборотня
Проклятие двух Мадонн
Крест мертвых богов
Готический ангел
Медальон льва и солнца
Улыбка золотого бога
Хризантема императрицы
Черная книга русалки
Плеть темной богини
Неизвестная сказка Андерсена
Ошейник Жеводанского зверя
Слезы Магдалины
Счастливый доллар
Вечная молодость графини
Браслет из города ацтеков
Фотограф смерти
Райские птицы из прошлого века
Алмазы Джека Потрошителя
Серп языческой богини
Дельфийский оракул
Бабочка маркизы Помпадур
Кольцо златовласой ведьмы
Музыкальная шкатулка Анны Монс
Лунный камень мадам Ленорман
Клинок Минотавра
Золотые ласточки Картье
Волшебный пояс Жанны д'Арк
Разбитое сердце королевы Марго
Поверженный демон Врубеля
Проклятая картина Крамского

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Екатерина ЛЕСИНА

Проклятая
картина
Крамского

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л50

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Лесина, Екатерина.

Л50 Проклятая картина Крамского : [роман] / Екатерина Лесина. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-699-85858-3

Год за годом наблюдает черноглазая незнакомка за людьми. Усмехается, храня свою тайну. Прячет презрение в изгибе губ. И несет несчастье всем, кому вздумается взять проклятую картину в руки... Случай сводит Илью со старым школьным приятелем Генкой, который этой встрече вовсе не рад, ведь Илья — успешный предприниматель, а сам Генка беден и обижен на несправедливость жизни. Он много пьет, жалуется и, вспомнив о прежней дружбе, просит денег в долг, обещая в самом скором времени вернуть с процентами. Генка уверяет, что ему наконец повезло, он напал на след одной картины, которая принесет ему миллионы, а заодно уж перевернет мир искусства. Илья не верит, но той же ночью Генка погибает. А на следующий день Илья получает письмо с фотографией картины, которая на первый взгляд кажется копией знаменитой «Незнакомки» Крамского...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85858-3

© Лесина Е., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Милостивый сударь.

Обращаюсь к Вам, ибо больше не к кому мне обратиться.

И прошу простить меня, ежели просьба моя нынешняя покажется Вам неуместною. Ныне многие из тех, которые давече именовали себя моими друзьями и свято уверяли в своей расположенности к моей особе, предпочитают делать вид, будто бы вовсе со мною не знакомы. Что ж, такова, верно, моя судьба. И все же уповаю на Провидение, что Вы, многоуважаемый Иван Николаевич, не уподобитесь тем, кому благосклонность моих родственников, отрекшихся от этого родства, дороже истины. Кому ли, как не Вам, знать, что я была и остаюсь верна своему супругу и телом, и разумом, и душой. Что в наветах, разрушивших наш брак, нет ни слова правды.

Я не прошу Вас стать судьей, но лишь устроить нашу встречу.

Я писала письма ему, умоляя о том, но он, не без помощи своей матушки, которая никогда-то не относилась ко мне с любовью, оставался глух к мольбам моим. Но Вас, Ваш талант, Вашу прозорливость он всегда ценил. И ежели Вы передадите ему мою просьбу...

Не дочитав слезного послания, мужчина скомкал его и отправил в камин. Он отвернулся, не желая видеть, как вместе с бумагой сгорают чужие надежды.

Да и... Пустые это надежды.

Все уже было решено и предопределено, и что бы он ни делал, он не добьется ничего, кроме гнева старой графини, а она на редкость злопамятна. Надобно ли ему это? Не сейчас... Его собственное положение в обществе не столь уж устойчиво. Да, его охотно принимают во многих домах, делают заказы, за которые платят щедро, однако ему ли не знать, сколь переменчива бывает удача.

Так стоит ли...

Не стоит.

Это не трусость, это благоразумие, то самое благоразумие, которого не хватило Матрене Саввишне, а ведь ее предупреждали... Она не слышала, люди никогда не слышат, а после искренне удивляются, как же вышло так, что судьба от них отвернулась.

Мужчина налил вина.

Он сел перед камином, уставился на живое пламя. Он думал вовсе не о чужом горе, но о грядущей выставке, до которой оставалось несколько месяцев... Выставки он любил, поскольку и публика, и критики любили его, точнее, его картины.

И все же... хотелось бы удивить.

Чем?

Отблески вина в бокале ложились на руки, которые самому человеку всегда-то казались слишком уж грубыми, нарочито крестьянскими, чтобы быть пригодными к тонкой работе. Ах, были у него задумки, и эскизы имелись, и все же... все же не то... характерно.

Обыкновенно.

Скучно.

А требовалось нечто этакое, удивительное, что вновь заставит говорить о нем... Мужчина прикрыл глаза. И все-таки сожженное письмо не шло из головы.

Даже не письмо, а женщина, его написавшая.

Ах, до чего красива она была... Неподобающе красива... и удивительна... и не удивительно, вовсе не удивительно, что он сам не устоял пред этим природным очарованием, написав ее портрет.

Где он?

Если попросить графиню... Она скорее уж сожжет полотно, чтобы ничего не напоминало о неугодной невестке. А супруг все-таки любит ее... не расстанется... Или Матрена Саввишна забрала портрет с собой? Почему нет... Больше у нее нет ничего, что бы и вправду ей принадлежало... Ах, до чего неудачно... Пусть и написан он был в нехарактерной манере, но... в том и интерес, и новизна... и сколь неосмотрительно было поддаваться чувствам.

Чувства мимолетны.

С другой стороны... выставь он полотно, графиня точно осталась бы недовольна.

...а вот если написать новую картину.

...Он никогда-то не работал без модели, но модель имеется. Есть эскизы, наброски... Есть и память его, которая прежде не подводила. Он и сейчас распрекрасно помнит каждую черту ее лица... Пожалуй, черты эти следует несколько изменить, избегая полного сходства... Нанять девицу для позирования... и сделать нечто среднее, тогда никто не сможет обвинить его, хотя, видит бог, его-то точно не в чем обвинять.

Но мысль о картине не отпускала. Более того, он ощутил непреодолимое почти желание немедля приступить к работе, пока сам образ был еще ярк...

...«Неизвестная» получилась именно такой, какой он желал ее видеть. И критики отнеслись к ней не просто с благосклонностью, но с искренним восторгом.

— Кто она?

— Неизвестная. — Крамской улыбался, отвечая на вопросы.

— Она ведь существует?

— Несомненно...

...в его памяти. И в воображении, слепившем из двух лицо одно, придавшем этому лицу нужные лоск и в то же время скрытую легкомысленность. До чего славно все получилось...

А Третьякову картина не понравилась.

— Ты рискуешь, — сказал он, разглядывая картину настороженно, будто бы ожидая от нее некоей пакости. — Неужели полагаешь, что ее не узнают? Не ты один был хорошо знаком с этою... особой...

Особой.

Ныне имя Матрены Саввишны предпочли забыть, так забудут и лицо, и прочее, что связано с нею. В воле людской вытеснять из памяти неприятные моменты бытия.

— Не понимаю, о чем ты...

— Она умерла. — Третьяков отступил. — Слышал?

— Нет.

И сие было правдой. Увлеченный работой, Крамской порою вовсе выпадал из круговорота светской жизни с ее сплетнями и новостями, столь переменчивыми, что уследить за ними всеми вовсе не представлялось возможным.

— Тогда я тебе говорю. Она умерла... не доехала до дому.

— Жаль.

Жалости не было, разве что сожаление, и то легкое, не обязательное. Так сожалеют о красивой чашке, которая дала трещину, или об вещи иной...

— А графиня слегла...

Вот об этом говорили все.

— Возраст. — Крамской пожал плечами. — Годы еще никому не приносили здоровья.

— Поговаривают, что ее прокляли...

— Пустое.

— А у него чахотка...

— *Случается.* — *Болезнь сия была неприятною, но частою, чему немало способствовал сырой климат Петербурга. И неплохо бы вывезти Сонечку с детьми на море... Именно, чтобы солнце, воздух свежий, тот особый, пахнущий близостью моря... Всем пойдет на пользу.*

— *Амалия скоропостижно скончалась... сердце.*

— *Печально.* — *Разговор этот становился неприятен, да и примерещилось вдруг, что женщина на картине, уже не Матрена Саввишна, но иная, имени своего не имеющая, смотрит на создателя со злою насмешкой.*

С предупреждением.

— *У многих в этот год... случилось всякое.* — *Третьяков убрал лорнет.* — *Провидение иногда воздает по заслугам...*

Он отвернулся от картины.

— *Извини, но... Я не хочу вспоминать эту историю.*

Крамской не нашелся, что ответить.

Он был удивлен.

Поражен.

Возмущен, пожалуй, поскольку обманут в наилучших надеждах своих. И кем?! Другом... поклонником, утверждавшим, что в жизни своей имеет одну цель — собрать все полотна в галерею, а тут...

— *Ты не купишь ее?*

— *Нет.* — *Третьяков уходил.* — *Не спору, она хороша... великолепна. Быть может, она лучшее из того, что ты создавал, но... я и вправду не хочу вспоминать.*

Вот же... глупец.

И все равно картину купят, найдутся желающие... Желающих всегда имелось в достатке... Что же до проклятия...

Чушь... Совпадения, не более того...

«Неизвестную» и вправду купили, конечно, сумму удалось выручить куда меньшую, нежели Иван Николаевич рассчитывал, однако полученных денег хватило, чтобы вывезти семью к морю.

И, глядя на счастливую Сонечку, Иван Николаевич подумал, что поступил верно...

...кто мог знать, что это лето, солнечное, яркое, будет последним счастливым летом его семьи? И года не пройдет, как один за другим слягут от неизвестной болезни сыновья, чтобы сгореть в лихорадке. Не помогут им ни доктора, ни старуха-шептуха, которую приведет, отчаявшись, Софья.

Та, проведя ладонью над пышущим жаром лбом, отпрянет.

Перекрестится.

— Судьба такая, — скажет, отведя взгляд. — Проклятье...

И тогда-то вдруг вспомнится насмешка в черных глазах женщины, которой на самом деле не существовало...

Уже на похоронах, оглушенный горем, бескрайним, безбрежным, он вдруг воочию увидит другое кладбище, при селе Миленино.

Могилку с потемневшим от частых дождей крестом.

Табличку, имя на которой стерлось почти... и женщину, ту женщину, чья судьба оказалась столь переменчива. Вспомнится и письмо, и огонь в камине.

Ах, если бы можно было все изменить.

Начать все сначала.

Глава 1

Встреча выпускников. Илья никогда не испытывал любви к подобного рода мероприятиям. Двадцать пять лет, конечно, срок изрядный, но... странно, что его вообще пригласили.

Он поднял воротник пальто.

В конце концов, никто не требует у него присутствовать на всем мероприятии. Концерт отсидит как-нибудь. Поулыбается тем, кто якобы рад его видеть. Опрокинет стопку.

Закусит бутербродом. И откланяется.

Вообще не стоило соглашаться, но Танька проявила просто нечеловеческую настойчивость. Она всегда-то была упрямой, и упрямство это с успехом компенсировало недостаток ума. Какой она стала? Постарела, погрузнела, обзавелась вторым подбородком и складками на боках? Волосы небось по-прежнему красит под блондинку, только теперь волос стало куда меньше...

Илья помотал головой.

Ну ее... не хватало... Прибыть и отбыть, вот и вся его задача. Случались в жизни Ильи и куда более неприятные мероприятия. Ничего. Выдержал. И это выдержит, и думать нечего.

Здание школы показалось из-за поворота.

Серое, приземистое, оно пряталось за тощей оградой тополей и ныне вовсе не казалось зловещим, скорее уж усталым. Окна слепые. Широкая лестница. Ступеньки оббитые...

Неистребимый запах пирожков.

Илья поморщился. Пирожки ему есть запретили.

Язва.

А с язвою не шутят. Но запах... Рот наполнился слюной, вспомнились вдруг те самые пирожки, с лоснящеюся масляною корочкой, с начинкою, которая имела отвратительное обыкновение прорываться откуда-то сбоку, обжигая пальцы, а то и на пиджак падая.

— Илья!

Он обернулся на оклик.

— Ты ли это? Сколько лет, сколько зим... Господи, я уже и не надеялась, что ты и вправду придешь!

В фойе сумрачно, и в сумраке этом приходится щуриться, чтобы разглядеть женщину. По голосу Илья Таньку сразу узнал. А она, по-прежнему фамильярна, вцепилась в руку, потянула.

— Наши уже почти все! Кроме Сверзиной. Представляешь, в Канаде теперь обретается... Что-то там то ли изучает, то ли продает... Кто бы мог подумать. У нее ж ни рожи ни кожи, а она в Канаде живет!

Танька изменилась, но не так, как Илья придумал.

В полумраке ей можно было дать если не восемнадцать, то всего-то двадцать восемь. Кукольное округлое личико с широко распахнутыми глазами. Ушки аккуратные. Серьги в них тоже аккуратные и стоимости немалой. Почему-то ему вдруг стало невероятно любопытно, откуда же она, Татьяна Косухина, взяла денег на эти вот серьги. И на цепочку витую с кулоном... Помнится, такой кулон Илье показывали в одном каталоге с явным намеком, который сам Илья предпочел за лучшее не увидеть.

— И Вязелев... но он умер. Жуть, да? Еще сорока нет, а уже... сердце... но он всегда жрал без меры, за собой не следил. Вот ты, Ильющка, сразу видно, человек правильного образа жизни.

Она говорила и тянула куда-то в глубины школы, не к актовому залу, который, как Илья помнил, располагался на втором этаже.

— А концерт...

— Ерунда. — Танька легко отмахнулась. — Или ты и вправду посмотреть на это хочешь?

Илья не хотел.

— Все наши в классе собрались, только тебя ждем... так вот... а Маздина не приехала. Дети у нее... Тоже мне, многодетная мамаша. Кто бы мог подумать?

Маздина... худосочная, задумчивая.

Кажется, она моделью стать собиралась. Или нет? Ваську Вязелева Илья помнил распрекрасно, толстого и вечно пребывающего в меланхолии. Васька носил в портфеле бутерброды, завернутые в газету. И на каждой перемене разворачивал их, жевал медленно.

Танька потянула вверх.

Каблучки ее туфелек, аккуратных, как сама Танька, цокали по ступенькам. И звук этот заставлял Илью вздрагивать.

— Смотрите, кого я привела! — Она распахнула дверь в класс. — Теперь все на месте!

Таньке ответил нестройный хор.

А Илья зажмурился: слишком резким был переход между сумрачным коридором и ярким классом. Лампы здесь горели длинные, дневного света, и шелестели при том очень знакомо.

Следующие два часа прошли в разговорах. Как в разговорах, скорее уж в монологах. Илья слушал. Кивал. Сам на вопросы отвечал сухо, не потому, что было в его жизни

что-то тайное, скорее уж он прекрасно понимал, что не интересна эта жизнь никому, кроме него самого.

Танька хохотала над шутками Владика, который постарел, полысел и обзавелся круглым брюшком. Жался в темный угол Пескарин, прозванный Пескарем за страсть к рыбалке. Мрачно поглядывали друг на дружку Марго с Ленкой, а ведь когда-то неразлейвода были...

Стало муторно.

Душно.

И Илья тихо вышел из класса, если вдруг спросят, то покурить. Самому стало смешно, сороковник на носу, а он боится сказать правду, что не интересно ему здесь.

Курить и вправду охота была.

И вспомнился вдруг закуток, на который выводила пожарная лестница, и что замок на ней дрянной был, его приловчились открывать булавкой. Булавка у Ильи имелась, для галстука, и, как выяснилось, подошла к замку неплохо.

Дождило. И дождь был мерзким, мелким и холодным. Куртка же осталась в классе, но возвращаться за ней Илья не стал: непременно прицепится кто-нибудь с вопросами или воспоминаниями.

Уж лучше так.

Курил он, наслаждаясь вкусом табака, тишиной, которая продлилась недолго. Скрипнула дверь, предупреждая.

— Ты тут? — спросили Илью сиплым голосом. — Тут... Привет, Ильюха, хрен тебе в ухо!

И заржали. В темноте было не различить человека, лишь фигуру и ту размытую, неловкую какую-то. Донесся запах табака и перегара.

— Узнал?

Фигура выбралась на площадку, а здесь и в лучшие-то времена с трудом два человека умещались.

— Генка я! Генка Геннадьев! — Фигура ударила Илью в бок. — А ты изменился... Весь такой из себя, прямо-таки на кривой козе не подъедешь. Что, забыл старого приятеля?

Этого забудешь... После всего, что он сделал.

— Закурить дай, — потребовал Генка. И когда Илья протянул портсигар, присвистнул. — Ишь ты... устроился... Все наши только и треплются, как Ильюшка высоко взлетел... Вон, Танька вокруг тебя круги нарезает, вся такая вырядилась... с-стерва.

Генка сплюнул. А сигареты выгреб все, без стеснения. Рассовал по карманам дрянной куртки, похлопал.

— Ты себе еще купишь, а у меня на нормальное курило денег нет.

Это не было извинением, Генка никогда не умел извиняться, скорее уж вызовом, который Илья предпочел проигнорировать.

— Эх, жизнь несправедлива. — Генка закурил, облокотившись на хлипкие перила. — Одним в ней все, другим ничего... Кто бы мог подумать, Ильюшка, что ты так высоко поднимешься, а?

Никто.

И сам Илья прежде всего.

— Ты ж даже отличником не был...

А Генка был.

Как он умудрялся-то со своим паскудным характером, с привычкой влезать во все дела, даже если дела эти его совершенно не касались, с мамашей-истеричкой, что бегала в школу каждую неделю, доводя Марию Петровну до головных болей... и ведь не за мамашу пятерки ему ставили, не за отца, в гастрономе директорствовавшего, но за собственные заслуги.

— Значит, бизнесмен?

— Да, — сухо ответил Илья, подумывая о том, как бы половчей уйти от разговора.